

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340.12(470+571)«1778»

Кащенко С. Г.

ВЫСЕЛЕНИЕ ХРИСТИАН ИЗ КРЫМСКОГО ХАНСТВА В РОССИЮ В 1778 Г.

Как известно Екатерина II оставила заметный след в истории России, причем не только тем, что была суперактивной «интердевочкой» на российском императорском престоле. Став российской императрицей, Екатерина II прославилась своими подвигами не только на сексуальном фронте, но и на внешнеполитическом. При ней Российская империя заметно расширилась за счет захвата территорий у соседних государств. Она активно общалась с последним польским королем Станиславом Понятовским – вначале в постели, потом отобрала у него Польшу и трон польских королей, который затем использовала в качестве унитаза и, наконец, на нем отдала богу свою грешную душу. Было у Екатерины II и сильное желание ссадить с престола также и турецкого султана и вообще упразднить Турцию. В связи с этим она приложила немало усилий для осуществления так называемого «греческого проекта», в соответствии с которым предусматривалось оккупировать Турцию российскими войсками и «дать по шапке», точнее по чалме, султану и посадить на его место «хорошего человека» – своего младшего внука Константина, как императора Византии. Его для этого специально готовили – он изучал греческий язык, учился играть на бузуки и танцевать сиртаки. Однако танцевать этот танец в Константинополе ему не удалось – «греческий проект» не был осуществлен, поскольку в Париже и в других европейских столицах против этого категорически возражали. Пришлось Екатерине II несколько умерить свой пыл на внешнеполитическом фронте и активизировать его на сексуальном. Тем не менее, императрица, несмотря на возражения Европы, решила «позычить» без возврата у ослабшей Турции часть ее территорий.

Первым этапом на этом пути стала война с Турцией 1768 – 1774 гг., завершившаяся Кучук-Кайнарджийским договором – роковым для Крымского ханства. Согласно ему часть его территории в Северном Причерноморье и Приазовье была у него отторгнута и включена в состав Российской империи. Но само ханство пока сохранялось. Провозглашалась его независимость от Турции, что создавало предпосылки для его ликвидации и включения его территорий в состав Российской империи. Вопреки договору после окончания войны российские войска продолжали оккупацию Крыма, а на ханский престол ими был посажен Шагин-Гирей – марионеточный хан, ненавидимый своими подданными и державшийся только с помощью российских войск. Это проявилось в октябре 1777 – феврале 1778 гг., когда они подавили охватившее все ханство массовое выступление татар против российского ставленника. Это нашло отклик в европейских столицах, откуда Екатерине II «намекнули» в очередной раз на необходимость вывода российских войск из ханства и прекращение вмешательства в

его внутренние дела. Софья Ангальт-Цербская не могла на это не прореагировать. В связи с этим она 9 марта 1778 г. подписала два нормативно-правовых акта. Первый представлял собой рескрипт П.А. Румянцеву, которому подчинялись российские войска в Крыму. В нем ему предписывалось «живущих в Крыму греков, грузин и армян... склонять и уговаривать, чтобы добровольно перейти оттуда согласились» в Новороссийскую и Азовскую губернии [1, с. 138-139].

Вторым был указ императрицы новороссийскому генерал-губернатору Г.А. Потемкину. «Вам же силою сего повелеваем, - говорилось в нем, - соответственно сему намерению нашему учинить со своей стороны надлежащее распоряжение, дабы новые сия поселяне со дня вступления в границы наши, не токмо в пропитании своем не претерпевали ни малого недостатка; но и по рассмотрению вашему снабжены были, как достаточным числом земли, так и нужными к заведению домостроительства их пособиями из казны нашей» [1, с. 318-319]. Предприняв эту акцию, императрица тем самым старалась оправдать перед Западной Европой и Турцией четырехгодичное пребывание в нарушение Кучук-Кайнарджийского договора российских войск в Крыму, которые там находились якобы для защиты от татар христиан.

Кроме того, выселение христиан должно было неизбежно подорвать экономику ханства, уменьшить поступления в казну Шагин-Гирея и тем самым поставить его в еще большую зависимость от России. Потемкин отдавал себе отчет в том, что осуществление императорского повеления не вызовет восторга у Шагин-Гирея и татар, поскольку христиане были основными плательщиками налогов. Поэтому он направил командовавшему российскими войсками в ханстве Прозоровскому и российскому дипломатическому агенту в Бахчисарае А.Д. Константинову предписание: пообещать Шагин-Гирею в качестве компенсации за финансовый ущерб крупную денежную сумму. В тайне от хана Прозоровский и Константинов провели переговоры насчет переселения христиан с главой крымских греко-христиан – кафинским митрополитом Игнатием. Тот, осенив себя крестным знаменем, без энтузиазма ответил, что «все в руках божьих». Намек был понят и ему были обещаны за содействие щедрые подарки и различные «выгоды». После этого, у митрополита появился энтузиазм и он объявил в Успенской церкви, возле Бахчисарая, прихожанам, что их ждет не дождется почти райская жизнь в России и что получена санкция всевышнего на это. Вскоре в подготовку переселения активнейшим образом включился А.В. Суворов, уже давно интриговавший против Прозоровского и которому, наконец, удалось стать во главе российских войск, находившихся в ханстве. Он усилил различными средствами, в том числе «длинным рублем», нажим не только на митрополита Игнатия, но и на архимандрита П. Маргоса – духовного главу крымских армян-григорян и патера Иакова – духовного руководителя армян-католиков. Он требовал от них «не ловить ворон», прельщать христиан теми благами, которые ожидают их в России и запугивать теми ужасами, которые их ожидают после вывода российских войск из ханства.

Давление Суворова оказалось успешным, вскоре он получил в своем штабе в Бахчисарае требуемое постановление крымских христиан от 17 июля 1778 г., составленное их духовными лидерами. В нем содержался перечень тех условий, на основе которых возможно было переселение крымских христиан в пределы Российской империи:

1. «... Довольное возмездие за трату движимого и недвижимого имения».

2. Предоставление «пособия..., на перевезение всех наипаче бедных людей и имения» на «обещанную им же именем монаршим землю между реками Днепром и Орелью».

3. «Постройка для промышленников и мастеровых людей особо на привольном месте при большой реке города торгового из домов и церквей и лавок» и «равным образом и деревень в близости от одного из самых тех же христиан..., которые поселятся в местах для хлебопашества, скотоводства, пчел и садов».

4. Возможность «невоспрещенный торг и всякий промысел отправлять, из рек ловлею и из лесов дровами без платежа довольствоваться».

5. «Льготы или увольнения от всяких податей и поборов со вступления в селение десять лет... и в подданстве ни у каких владельцев не быть», освобождение от рекрутчины.

6. Для сбора налогов (по прошествии 10 лет) и для «судовых расправ и собственного распоряжения быть над ними начальниками, выбираемым из них же вольными голосами временным, которые дают во все отчет губернии, пребывая под защитой оной от всякого оскорбления их достоинств и особ» [1, с. 556-557].

В тот же день (17 июля) митрополит Игнатий обратился с письмом к Румянцеву, в котором обращал его внимание на то, что «здешние православные христиане суть очень малодушны» и проявляют сомнение в том, что эти условия российской стороной впоследствии будут соблюдены. В связи с этим он просил «прислать прежде... государственную грамоту», узаконивающие выработанные условия переселения, «стараться о присылке оной грамоты пока еще летнее время и не застанет зима» [1, с. 615-616].

17 июля 1778 г. хан тоже кое-что получил – это было «Прошение крымских старшин Шагин-Гирею-хану», которое вызвало у него отрицательные эмоции. В нем хана информировали о том, что российский резидент в Бахчисарае и «российские командиры» уговорили часть поданных хана из греков и армян «имение свое продать и в дорогу совсем приготовляться», а отказывающимся переселиться в Российскую империю «начальствующие греки» заявили, что они тоже этого не избегут, поскольку всех своих подданных-христиан «хан российскому двору уступил». В прошении также речь шла о том, что христиане, отказавшиеся от переселения, «с огорчением просили нас, чтоб от сей напасти их оборонить». Крымские старшины также интересовались, действительно ли Шагин-Гирей согласился на переселение христиан и просили, если это, действительно, так, отказаться от осуществления этого [1, с. 561]. Хан не мог поверить, что его «лучшие» российские друзья могут заниматься таким «нехорошим делом».

18 июля 1778 г. он направил крымским старшинам ответ, в котором обвинил их в том, что они, «поверяя такому беспутному слуху, нам такое глупое доношение подавали». В нем также подчеркивалось, что он не имеет намерения «вышеупомянутых подданных российскому двору подарить», что «невозможно поверить» в то, что «господин генерал [Суворов] и господин резидент [Константинов], будучи присягою обязаны в службе ее императорского величества» самовольно организывают выселение христиан из ханства в Россию [1, с. 561-562]. Одновременно 18 июля 1778

г. Шагин-Гирей издал «Указ в Бахчисарае находящимся армянским и греческим попам, старшинам и прочим подданным нашим народам». «Услышав, - говорилось в нем, - что некоторые из вас... колесницы приготовили, сказывая, что российский двор от светлейшего хана татарских подданных потребовал и светлейший хан будто уступил их российскому двору, которое известие нарочито нагнали господину генералу и господину резиденту, что будто от них происходило, и что народ чрез это возмутили и беспокоили... повелеваем немедленно начальников сей выдумки нам представить» [1, с. 562]. 21 июля 1779 г. хан направил Суворову послание, в котором просил выступить с опровержением насчет ложных слухов о подготовке выселения и «уверить» его подданных в том, что «ее императорского величества освященные обещания о независимости ханства» являются неизменными [1, с. 580-581].

Скрывать далее от хана подготовку выселения христиан было невозможно. 22 июля Суворов направил ему письмо, из которого тот, наконец, узнал, что «всесветлейшая императрица всероссийская, снисходя на просьбы христиан в Крыму живущих об избавлении их от предгрозимых бедствий и сущего истребления..., по человеколюбию и долгу христианскому закону всемилостивейшее соизволяет переселить их в свои границы». Одновременно сообщалось хану, что он за это получит компенсацию, «что до особы вашей касается, предохранено и награждено будет» [1, с. 583]. Однако письмо Суворова не произвело успокаивающего действия на Шагин-Гирея. «В отчаянностях его, - сообщал Суворов Потемкину, - иногда помрачается дух, иногда и нетрезв». Будущий генералиссимус попытался встретиться с ханом «для временного успокоения его чувств». Но тот категорически отказался от встречи, заявив, что она бесполезна, поскольку ханством управляет не он, законный государь независимого государства, а командующий русскими войсками. Возмущению хана не было предела. Он направил письмо Румянцеву, в котором было немало гневных слов о «самоличных» действиях Суворова, нарушающего суверенитет ханства. Одновременно Шагин-Гирей стал собираться в Петербург, чтобы там «пасть пред порог ее величества» и просить пресечь самоуправство Суворова. В знак протеста против организации выселения христиан командованием российских войск он демонстративно отказался выполнять свои ханские обязанности, покинул Бахчисарай и расположился в шатрах в лагере на р. Альма. Он отказал в аудиенции Суворову, избегал контактов с Константиновым. В его ставке часто проходили расширенные заседания дивана, на которых обсуждался вопрос, как не допустить выселения христианских подданных.

25 июля 1778 г. Суворов обратился к Потемкину с рапортом. В нем он, обращая внимание на то, что Шагин-Гирей настолько беден, что не может заплатить своим кредиторам 20 тысяч рублей, рекомендовал для того, чтобы сломить его сопротивление выселению определить ему «или пенсион или навсегда одну сумму», а «на письменные же его возражения взирать как на пустое место» [1, с. 587-588]. Диван, наконец, принял решение ходатайствовать перед императрицей об отмене выселения христиан. После этого Шагин-Гирей потребовал от Суворова задержки выселения на 26 дней – до рассмотрения Екатериной II ходатайства дивана. В ответ российский командующий заявил, что не имеет полномочий мешать христианам, уже подготовившимся к отъезду, осуществить акцию [1, с. 587-588]. Тогда хан и его администрация

стали успешно отговаривать христиан от переселения, обещав предоставить им налоговые льготы и пугая теми неприятностями, которые их ожидают в России.

Противодействие Шагин-Гирея организации выселения уменьшилось лишь после того, как появился слух о том, что к крымским берегам движется турецкий флот с десантом. Похоже, что Суворов своевременно позаботился о том, чтобы хан поверил в то, что его целью является лишение его престола. Шагин-Гирей осознал, что у него нет выбора. 26 июля он направил письмо Румянцеву, в котором был вынужден согласиться на переселения христиан, но только добровольное. «Но если вывод отсель столь малого числа христиан (подданных наших), - говорилось в нем, - действительно зависит от воли ее величества великой в свете монархии, всемилостивейшей покровительницы моей, и благодарности вашего сиятельства, то я всеприложно стараюсь угодить во всем ее величеству, не поставлю себе происшествие огорчительным» [1, с. 596]. Вскоре появился соответствующий нормативно-правовой акт – «Ханское повеление ко всем в крымских городах каймаканам». В нем речь шла о том, что согласившиеся на переселение армяне и греки «без всякого опасения и боязни имеют о себе объявить с тем, чтоб к таковым со стороны нашей не было касательства и препоны». Каймаканам предписывалось таким добровольцам не чинить препятствий. «Кто ж добровольно идти не желает, - информировал Шагин-Гирей каймаканов, - таковых ни с одной стороны приневоливать не буду, и останутся каждый при своем месте спокойно» [1, с. 598].

Потемкину из Крыма поступила информация о том, что, готовя выселение христиан, Суворов грабит местных жителей, вымогает у Шагин-Гирея породистых коней и женщин привлекательной внешности «для собственного употребления». Пришлось Суворову оправдываться: «Говорят, - писал он Потемкину, - будто я требовал у хана... красавиц, но я кроме брачного ничего не разумею. Говорят, будто я требовал аргамаков, а я езжу на подъемных». Одновременно он усилил «денежный натиск» на противников переселения из татар. Хану он выделил из военных сумм значительные денежные средства. Митрополиту дал взятку в 3 000 рублей. 100 000 рублей было использовано для компенсации ущерба тем татарам, рабы-христиане которых собирались переселиться в Россию.

2 августа 1778 г. Румянцев направил митрополиту ответ на его послание от 17 июля. В нем он заверил, что на местах размещения христиан все выработанные условия переселения будут соблюдены, что на них они найдут «спокойную жизнь, возможное благоденствие и такие выгоды, каких предположить себе не могут». Он также информировал митрополита о том, что возбудит ходатайство об издании специальной царской грамоты, узаконившей условия, изложенные в «постановлении крымских христиан» от 17 июля. Одновременно он требовал от митрополита, «чтоб не потерять в суете (время) прилагайте всевозможное старание... о переселении христиан» [1, с. 616-617]. 3 августа 1778 г. Румянцев обратился к Потемкину с просьбой исходатайствовать у его «подруги» (императрицы) царскую грамоту, поскольку крымские христиане «в легкомыслии весьма сходного свойства с татарами. Они... все колеблются» [1, с. 614-615]. Хану были посланы новые подарки. Тот их принял, но по-прежнему избегал всяческих контактов с Суворовым, которого обвинял в том, что тот нарушает принцип добровольности и принуждает всех христиан к переселе-

нию. 15 августа в Петербург была направлена «Грамота просительная от всех крымских татар общества ее императорскому величеству, от всех крымских обывателей всенижайшее прошение. В ней сообщалось, что в ханстве «переселению добровольно пожелавших препятствия не показывали». Одновременно обращалось внимание на то, что возражение христиан, не согласных на переселение, командованием российских войск во внимание не принимается. В грамоте содержалась и жалоба на то, что «купленных волохов, грузинцев и родившихся от них» у татар «насильно отняли, что крымские обыватели за явную и крайнюю себе обиду признают». Грамота заканчивалась ходатайством их не отнимать и вообще производить только добровольное переселение, а не насильное выселение всех христиан [2, с. 68-70].

При организации выселения Суворов действовал по принципу: «А Васька слушает да ест». 5 августа из Крыма двинулся первый обоз с 1 122 христианами. В середине августа отправилась вторая партия, состоявшая из 3 000 армян и греков. В рапорте Суворова Румянцеву от 18 сентября 1778 г. сообщалось, что «вывод крымских христиан кончен. Обоего пола отправилось... 31 098 душ... осталось зимовать 288 душ» [1, с. 710]. Переселенцы основали в устье р. Кальмиус г. Мариуполь и 19 сел в его округе, которым дали крымские названия – Ялта, Ласпи, Мангуш, Сартана... Армяне-католики (более 1 000 человек) были размещены в районе Екатеринослава. Армяне-григориане образовали в устье Дона г. Новая Нахичевань и 6 сел. 28 сентября 1778 г. отправились в Петербург Ширинский мурза султан Мехмет и аргинский мурза Мехмет Шах с «Просительным письмом крымского правительства чинов к высочайшему двору». В нем содержалась просьба правительства «независимого» ханства подтвердить специальной императорской грамотой «вольность и независимость» ханства и то, что «каждый из общества нашего оставлен... в спокойном своем издревле приобретенном владении без всякого от посторонних помешательства». Содержалась в письме и просьба, явившаяся следствием массового выселения христиан: «Как ныне выводом подданных и прочих обитателей наш полуостров повсюду почти пуст, то всенижайшее испрашиваем у вашего императорского величества дозволения для населения оного добровольно из Азии и Европы приходящими, всякого звания закона людей беспрепятственно и без зазорно принимать» [1, с. 744-747]. Имелось в нижайшем прошении и ходатайство о позволении на покупку и содержание рабов «так, как мы татарский народ, привыкли издревле иметь для услужения пленных всяких народов людей» [1, с. 744-747].

20 ноября 1778 г. появилось «Письмо действительного статского советника графа Панина крымским чинам», составленное по «высочайшему ее императорского величества повелению». В нем он заверил «почтенных чинов общества крымского» в том, что они «совершенную надежду иметь могут на свободное и безопасное» пользование «собственностями своими и правами пользоваться частными и внутренними без всякого постороннего касательства» [1, с. 895-898]. «Наводя тень на плетень» Панин пытался убедить «крымского правительства чинов» в том, что выселение христиан из ханства совсем «не значит вторжения в права внутреннего вашего начальства и господства», а оправдывается тем, что христиане «без того отнюдь не сохранились бы от расхищения и истребления». Однако, чтобы «крымские жители не претерпели по сему случаю каких-либо убытков, - говорилось в письме, - (императрица) изволила дать

повеление... о удовлетворении за все ваши требования и притязания к помянутым христианам... в рассуждении долгов и тому подобного» [1, с. 895-898]. Крымским татарам также дозволялось иметь рабов, которые бы «не из здешних подданных были», а ходатайство о разрешении на размещении в Крыму выходцев из Азии и Европы осталось без удовлетворения. Правовой статус греков и армян, высланных в Российскую империю, был определен «Грамотой об устройстве христиан, выведенных из Крыма», подписанной императрицей 21 мая 1779 г. В ней устанавливалось, что они пользуются «всеми теми правами и преимуществами, каковыми все подданные наши от нас и предков наших издревле наслаждаются».

Им также предоставлялись дополнительные права, которыми обычные российские подданные не пользовались:

1. В Азовской губернии им отводилась «достаточная часть земли» «для удобнейшего поселения» по р. Солоной и по другим рекам и берегам Азовского моря.

2. Они освобождались от всех государственных податей и служб на 10 лет.

3. «Суд и расправу и всю внутреннюю полицию, - говорилось в царской грамоте, - иметь на основании генеральных в государстве нашем узаконений, выбираемыми из вас же по вольным голосам начальниками» [2, с. 194-196].

Выведение христиан из ханства в 1778 г. можно квалифицировать как «вынужденную эмиграцию», которая мало чем отличалась от депортации. Утверждения же о том, что Суворов произвел выселение христиан из ханства, нарушив предписание императрицы о его добровольном характере, не выдерживают критики. 24 декабря 1779 г. в Петербурге, в Зимнем дворце, Екатерина II вручила ему бриллиантовую звезду к ордену Александра Невского, сняв ее со своего платья. Это была награда за организацию выселения христиан из ханства в пределы Российской империи. Дальнейшая судьба их сложилась неодинаково. После ликвидации ханства и включения остальной его территории в состав Российской империи в 1787 г. армяне-католики получили разрешение вернуться на полуостров. Такого разрешения не получили армяне-григориане. Тем не менее, вопреки противодействию властей более 2 000 их из Новой Нахичевани самовольно вернулись в Крым. Эта миграция была санкционирована властями после 1818 г. [3, с. 225]. В Донецкой области сейчас проживает более 75 000 потомков греков, переселенных из ханства. Они сохраняют свой язык, традиции и культуру, которые испытали сильное влияние крымскотатарского этноса.

Литература:

1. Присоединение Крыма к России. – Рескрипты, письма, реляции и донесения. – Н. Дубровин. Член-корреспондент императорской академии наук. – Том первый. – 1775 – 1777 гг. – Санкт-Петербург: 1885.

2. Присоединение Крыма к России. – Рескрипты, письма, реляции и донесения. – Н. Дубровин. Член-корреспондент императорской академии наук. – Том второй. – 1778 г. – Санкт-Петербург: 1885.

3. От киммерийцев до крымчаков. Народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII в. – Симферополь: Доля, 2004.

Пост упила в редакцию: 06.09.2006 г.